

можно только путем сопоставленія отдѣльныхъ мѣстъ «Войны и мира».

Неопредѣленность понятій, употребляемыхъ гр. Толстымъ, недостаточная выработка его философскаго языка — въ значительной степени затрудняютъ правильное, т.-е. согласное съ намѣреніями автора, пониманіе * его идей. Встрѣчаясь, напр., съ утвержденіемъ, что въ исторіи понятіе причины непремѣнимо, и съ мыслью о томъ, что историческое движеніе зависитъ отъ людскихъ произволовъ, можно было бы подумать, что гр. Толстой защищаетъ такой тезисъ: причинная связь въ историческихъ фактахъ невозможна, такъ какъ факты эти являются результатомъ дѣйствія людскихъ произволовъ. На дѣлѣ этого нѣтъ, но что такое произволь, онъ точно не опредѣляетъ; во всякомъ случаѣ, это не свободная воля въ смыслѣ безпричинности, и въ своемъ отрицаніи свободы воли гр. Толстой доходитъ даже, какъ мы увидимъ, до фатализма, исключаящаго всякій произволь лица по отношенію къ тому, что онъ называетъ законами. И опять эту идею свободы воли, въ разныхъ мѣстахъ, гр. Толстой толкуетъ различнымъ образомъ, то въ смыслѣ возможности «дѣйствія безъ причины» (VI, 269), то въ смыслѣ «возможности поступить такъ, какъ захотѣлось» (VI, 266), что далеко не одно и то же. Безпричинный поступокъ, дѣйствительно, невозможенъ, и въ этомъ смыслѣ свобода воли противорѣчитъ идеѣ необходимости, но изъ того, что каждый поступокъ имѣетъ причину и, слѣдовательно, происходитъ необходимо, отнюдь не слѣдуетъ, что люди поступаютъ не такъ, какъ имъ хочется, а какъ-то иначе. Впрочемъ, гр. Толстой въ сущности съ своимъ понятіемъ закона и приходитъ къ аналогичному заключенію: человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ подчиненъ законамъ, которые, такъ сказать, ему дикту-